
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ЭКСПАНСИЯ. ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ
ПО ТУ СТОРОНУ БЕЗДНЫ

Annotation

3841 год.

Может ли заключение сознания в Логр являться не «Вечной Жизнью», не привелегией, а жестоким, бессрочным наказанием? Как поведут себя преступники попав в изолированную группу логров? Ведь их память и жизненные привычки остаются неизменными.

Андрей Ливадный Чистилище

1.

Перед судом он не волновался.

Зольц привык доверять адвокатам. Они брали с него большие деньги, но работу выполняли на оценку "отлично". У Генриха была возможность убедиться в этом. Жизнь, которую он прожил, нельзя назвать законопослушной и безоблачной, но цифры на статкарточке или, еще лучше, - мерцающие банкноты банка "Галактика-Центр", открывали большинство дверей и являлись гарантом безнаказанности…

До поры, конечно.

Генрих не строил иллюзий относительно своего ближайшего будущего - влип он конкретно, но знал - максимум, что ему грозит, это заключение в криогенную камеру, где несколько лет подряд его мозг будет подвергаться насильственной "социальной терапии".

Плевать я хотел на методы вашего воздействия. - Мысленно произнес Зольц, дожидаясь, когда в отсек орбитальной станции-тюрьмы придет его адвокат.

Он прилетел с утренним челноком и должен был появиться еще четверть часа назад, но что-то задерживало Германа Руза, хотя на данной станции тот бывал часто, и местное начальство знал, как облупленное.

Наконец, положив конец томительному ожиданию, открылась герметичная дверь.

Генрих мгновенно заметил, что Руз немного не в себе. Растерян, что ли?

– Доброе утро.

– Доброе… - Герман произнес слово с каким-то непонятным, зловещим подтекстом.

– Ну, выкладывай. Как мои дела?

– Скверно. - Руз не стал темнить, решил говорить напрямую, хотя понимал, что вспышка гнева раздражительного, привыкшего к неограниченной власти клиента может вмиг лишить его солидного гонорара.

– В чем проблема? Меня решили заморозить на такой срок, чтобы я очнулся в незнакомом мире?

Руз промолчал.

Его пальцы машинально сцепились в замок. Потом адвокат поднял голову и, взглянув в глаза клиента, произнес:

– Генрих, тебя вообще не станут замораживать.

– То есть… как?

– Учитывая возраст (Зольцу недавно исполнился сто один год) матрица твоего сознания будет помещена в логр.

На этот раз Генрих испытал волнение. Настоящее волнение, какого не ощущал давно, уже много лет.

– И ты называешь это скверной новостью? Постой, это точно? Ничего не перепутал?

– Я задействовал все возможные каналы осведомителей. Решение суда, которое будет вынесено по твоему делу, мне известно.

– Помещение сознания в логр?! - Еще раз потрясенно уточнил Генрих.

– Да. Именно так.

– Мне казалось, что высшая мера наказания, которую Конфедерация придумала для преступников, это как раз лишение права обладать личным логром.

– Да. Потому я и сказал что новость дурная. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Кому как не тебе это знать, Генрих.

– А если отвечу, что мне плевать? Вечная жизнь, пусть и в виртуальном пространстве, - это прекрасно. В конце концов, это не просто шанс обрести виртуальное бессмертие. Ведь ты не станешь сидеть, сложа руки, Герман? Я отдам распоряжение, чтобы тебя спонсировали суммами, достаточными, чтобы нанять талантливого кибрайкера. Если фемида рехнулась, и теперь за преступление даруют вечную жизнь - пусть будет так. Поживу в логре. А ты тем временем найдешь человека, который сможет извлечь мое сознание оттуда, для записи в чистый рассудок клона.

– Да, естественно, я сделаю все возможное.

– Тогда что тебя смущает?

– Здесь что-то не так. Но где именно подвох, понять пока не могу. - Честно признал Руз.

К его удивлению Генрих, не смотря на патологическую осторожность и недоверчивость, на этот раз пренебрег привычками, принципами и выглядел весьма довольным.

– Бесплатный сыр, говоришь? - Словно прочитав его мысли, хохотнул Зольц. - Посмотрим. Могу тебя уверить: на свете существуют мыши, которые едят бесплатный сыр и потом спокойно уходят.

***

Процедура суда показалась Генриху долгой и занудной, но все когда-то заканчивается, и вот…

Я в логре…

Мысль обожгла.

Естественно, обладая огромным состоянием, Генрих умирать не собирался. Да, Конфедеративное содружество имело "черные списки" своих граждан, которым по тем или иным причинам на официальном уровне отказывали в праве обладать личным логром. Но, как известно спрос всегда рождает предложение, и черный рынок не дремал: в теневом обороте вращались десятки тысяч логрианских устройств и миллиарды изобретенных человечеством кредитов.

У Зольца был свой логр. И был человек, готовый в случае смерти Генриха доставить матрицу его сознания к общей массе таких же кристаллов, образующих Логрис.

Однако этого не потребовалось.

Пока что он не задумывался всерьез над вопросом: почему все радикально изменилось, отчего вдруг поменялись знаки, и благо, привилегия внезапно приняла статус наказания?

Ответить на данный вопрос могли бы сотрудники мнемонического отдела штаба флота Конфедеративного Содружества, но, к сожалению, ни один из них не являлся информатором адвокатов Генриха.

Посмотрим, что вы тут для меня приготовили…

***

Матрица сознания Генриха только что была инсталлирована в логр и два сотрудника специального подразделения исполнения наказаний отправили кристалл к общей массе ему подобных.

Зольц был бы очень удивлен, увидев небольшую формацию, к которой присоединился его логр.

Любому школьнику известно, что Логрис огромен, он включает в свои структуры триллионы кристаллов, а это жалкое подобие насчитывало едва ли несколько тысяч логров.

– Ну вот, еще один отправился в чистилище.

– Слушай, а почему его так называют? - Второй сотрудник подразделения был молод и видимо недавно приступил к исполнению своих весьма специфичных обязанностей.

– Ты что не знаешь, что твориться в человеческой части Логриса?

– Теоретически знаю. Нам объясняли, но как-то смутно, расплывчато.

– Ладно. Пойдем, перекусим. Я тебе расскажу кое-что, вне общепринятого курса подготовки.

2.

Николай и Андрей - галактлейтенанты мнемонического отдела продолжили начатый разговор за завтраком.

Николай работал на станции уже третий год, и ему было что рассказать своему молодому и менее опытному коллеге.

– Историю Логриса я тебе пересказывать не буду. - Набирая заказ на встроенной в столешницу сенсорной панели, произнес Николай. - А вот об особенностях логрианских технологий можно побеседовать.

– Слышал, в последнее время стали часто поговаривать, что людям не очень-то нравиться "виртуальное бессмертие". - Поддержал тему Андрей

– Кому как. Логриане создавали систему логра под себя, ориентируясь на собственную психологию. Они - мыслители и жизнь для них, по сути, лишь подготовка к вечному существованию в информационной нирване, где они могут сколь угодно долго размышлять над определенными проблемами или явлениями. Для них подобное времяпровождение является пределом прижизненных мечтаний. К тому же они пацифисты по природе, не склонны к конфликтам и потому редко или можно сказать: почти никогда не уносят в Логрис бремя скверных воспоминаний о прожитой жизни.

– Да, преподаватели нам часто говорили, что память разумного существа, чье сознание попадает в логр, утрачивает спасительное свойство избирательности. - Ответил Андрей. - Человек, к примеру, вдруг осознает, что помнит все в мельчайших подробностях, начиная от первых впечатлений ребенка и заканчивая предсмертными событиями. Многие не выдерживают этого, верно?

– Не многие, а большинство, - уточнил Николай. - Подумай сам: кто из нас безгрешен?

– Никто, наверное.

– Вот в этом и скрыта ловушка. При жизни мы заставляем себя забывать неприятные моменты, иногда придумываем несуществующие события, и постепенно начинаем верить, что они действительно имели место. В логре все иначе. Там и виртуальное пространство формируется исключительно в унисон мыслям и переживаниям. А они, как ты понимаешь у каждого человека свои.

– Значит разрушение личности неизбежно?

– Ну почему? - Николай пожал плечами. - Вовсе не обязательно.

Понимаешь, есть одна тонкость, присущая людям: часть из нас обладает огромной силой воли, и при этом такие волевые личности абсолютно уверены в правоте и правомочности собственных действий. Они не ставят под сомнения поступки, понимаешь?

– Смутно. - Признал Андрей. - Если делить людей на категории "светлых" и "темных", то со светлыми все понятно, а как быть с "темными"?

– Вот тут ты опять не прав. Я же сказал - если человек верит в правильность собственных поступков, то его вряд ли замучает совесть. Даже в логре, при наличии абсолютной памяти.

– В таком случае вместо наказания мы дарим преступникам вечную жизнь?

– Не всем. Единицам. - Николай не стал отрицать высказанной Андреем вероятности. - Но, - тут же оговорился он, - в виртуальной среде личной Вселенной разнообразия впечатлений ровно столько, сколько человек успел испытать и запомнить за время своей жизни. Новые чувства там не зарождаются, можно эксплуатировать только личные впечатления. Как именно это происходит, мы пока выясняем, для того и создана наша станция. Так что скучать не придется, ручаюсь.

***

Генрих был сильно озадачен и удивлен, осознав себя в логре.

Он понимал, что жизнь человека в бренном мире имеет свой предел, но если раньше смерть несла удручающую окончательность, то с появлением логрианских технологий человек получил больше чем надежду - он мог загодя подготовиться к переходу на иной уровень осознанного существования.

Такие мысли возникли в рассудке не в силу глубоких познаний, а в результате прижизненных впечатлений. Вообще, Генриха можно было назвать стопроцентным пользователем, вернее - потребителем благ, что вырабатывала цивилизация. Он родился в обеспеченной семье, свои первые деньги сделал за игорным столом, а долгая жизнь среди преступных сообществ, не прибавила ему реальных знаний. Он умел руководить людьми, обладал несомненным талантом администратора, который в сочетании с жестокостью, бездушием и наглостью помог Зольцу взойти по шаткой лестнице преступного олимпа, встав во главе одной из организованных преступных группировок.

Если говорить о созданной Генрихом организации, то можно сказать, что она занималась всем понемногу, хотя основным источником дохода группировки традиционно являлись контрабандные поставки не синтетического (к фрайгу дрянную химию) а натурального, биологического наркотика с одной из планет Корпоративной Окраины.

При жизни Генрих управлял преступным бизнесом, купался в роскоши, держал в кулаке своей железной воли около сотни человек, то есть, по сути, за свою долгую жизнь он не научился ничему полезному, для него являлось естественным техногенное окружение цивилизации, благами которой он пользовался без малейшего зазрения совести.

В этом, оказывается, крылась гигантская проблема, масштабы которой он начал смутно осознавать только сейчас.

Еще при жизни, приобретя на черном рынке драгоценный логр, Генрих при помощи специалистов посетил серое, унылое виртуальное пространство, неприятно поразившее его своей пустотой, необустроенностью.

Он хорошо запомнил слова кибрайкера, который проводил для него своеобразную экскурсию.

– Вы должны будете сами создавать собственный мир, господин Зольц. - Пояснял молодой, шустрый парень, с холодным взглядом закоренелого убийцы: спокойным, льдистым, никак не сочетающимся с суетливыми движениями фантомного тела.

– И как я, по-твоему, буду это делать? - Буркнул Генрих.

– В Логре все зависит от вашего воображения, эмоционального настроя и истинных, подчеркиваю истинных, а не поверхностных знаний.

– Очень интересно. - Раздражено ответил Генрих. - По твоему мне пора садиться за учебники, как сопливому школьнику?

– Ну, зачем же? - Усмехнулся кибрайкер. - Большинство необходимой информации можно закачать через импланты.

– А мне это надо? - В голосе Генриха сквозила подозрительность. Голова не резиновая, и, как он полагал, его мозг достаточно загружен текущими делами, чтобы пихать в него всякую чушь, без знания которой он умудрился прожить долгую, полную превратностей жизнь.

– Решать вам, - пожал плечами кибрайкер. - Могу я для наглядности провести небольшую демонстрацию?

– Ну, давай.

Секундой позже в серой хмари безмирья вдруг появилась настоящая твердь, вместе с ощущением земли под ногами появился горизонт, затем, вокруг зазеленела трава, прямо на глазах выросло несколько деревьев и, в

довершение, появился участок дороги, на обочине которой стоял флайкар неизвестной Генриху модели.

– Прошу. - Кибрайкер мысленным приказом открыл двери шикарной машины, и Генрих, не в силах побороть любопытства, уселся внутрь, с удивлением посмотрев на работающие приборные панели.

Через некоторое время, совершив небольшую поездку, они остановились.

– Теперь вы, господин Зольц.

– Что?

– Попробуйте что-нибудь создать. Помните - окружающее пространство принадлежит вам. Оно реагирует на мысленные приказы.

– Ну, хорошо. Сейчас попробую.

Надо сбить спесь с этого молодого выскочки, - подумал Генрих, мысленно представив, что в его руке находиться импульсная "Гюрза" - верный способ для решения многих, порой весьма сложных или деликатных проблем.

Он действительно ощутил успокаивающий вес оружия, почувствовал фактуру прорезиненной рукояти, но когда он решил несколькими выстрелами продырявить созданную кибрайкером машину, безотказное оружие почему-то не сработало.

– Твои выходки? - Он зло посмотрел на кибрайкера.

– Нет. Ваши. - Спокойно ответил тот. - Вы создали муляж, господин Зольц. Дело в том, что пространство логра весьма адаптивно, виртуальная машина логриан может смоделировать любое физическое или природное явление, создать фантом требуемого механизма, но при этом, изъявляя волю, вы должны четко представлять не только формы предмета, но и принцип его устройства.

– Ты хочешь сказать, чтобы создать машину я должен знать, как она устроена?

– До мельчайших подробностей. Конечно сейчас, когда производство логров поставлено на поток, а в их структуре начали понемногу разбираться, появились и фирмы, выпускающие, если можно так выразиться, некое программное обеспечение.

– К примеру?

– Ну, допустим, создание стандартных ландшафтов, некий набор растительности, типовые строения или их элементы, с десяток видов животных, - все это может быть "предустановленно" в логр, чтобы человек только подумал: хочу лес, хочу, чтобы тут проходила дорога или стоял дом.

– Ясно… - Генрих быстро усваивал наглядные уроки, но вывод,

который он сделал из первого посещения купленного за немалые деньги логра, оказался весьма своеобразен: вместо того, чтобы внять совету кибрайкера он решил поступить по-своему. Наняв несколько специалистов, он привез их в свою загородную резиденцию и поставил задачу, выложив на стол драгоценный логр:

– Пойдете туда, - он коснулся указательным пальцем колючего кристалла. - Нужно в точности воспроизвести в пространстве логра мой особняк со всей аппаратурой, техникой, и окружающими ландшафтами. Только не пытайтесь скормить мне муляжи. В доме и на территории все должно работать, как положено в реальности.

Свой логр он обустроил, только вот беда, до него теперь не добраться.

***

Возвращаясь в отсек наблюдения и связи, Николай с Андреем продолжали беседовать на избранную тему:

– Наше с тобой дело обеспечивать безопасность, отсекать попытки внешнего воздействия на группу логров с сознаниями заключенных. - Пояснял Николай. - Ну и конечно следить, чтобы кто-то из них не дай Бог, не вырвался оттуда, получив связь с сетью Интерстар. Остальное нас не должно заботить в принципе.

– И все же, Ник, поясни, выходит, что пространство логра - это, собственно, сознание человека?

– Да.

– Значит все, и формирование ландшафтов, и любые явления, вплоть до твоего собственного фантомного тела, существуют как бы в воображении, внутри сознания?

– Правильно. Логриане создали уникальное устройство. Их логры настолько адаптивны, что принимают любую нейроструктуру, и могут поддерживать ее сколь угодно долго.

– А могут существовать в пространстве одного логра сразу несколько личностей?

– Могут. - Кивнул Николай. - Здесь, насколько я знаю, действует принцип иерархии. Хозяин логра остается им, чтобы не случилось. Если в его пространство попадает иная матрица личности, логр автоматически предоставляет ей небольшой ресурс, поддерживая целостность виртуальной нейросети. Думаю, что в одном логре могут сосуществовать много личностей, но каждая будет обладать различной степенью

возможностей воздействия на окружающий мир. Вряд ли пришлый фантом сможет серьезно нарушить целостность реальности, созданной истинным хозяином фантомного мира.

Андрей задумался.

– Интересно получается. И, по-моему, не очень-то справедливо. Выходит, преступники получают такие же возможности к виртуальному бессмертию, как и законопослушные граждане? - Вновь вернулся он к высказанной ранее мысли.

– Не упрощай. - Ответил Ник. - Я видел, что твориться в некоторых человеческих мирах настоящего Логриса. Иные "добропорядочные обыватели" на поверку, когда с них слетают все маски, обнажая задавленные в себе, тщательно скрываемые душевные качества, оказываются похуже самых отпетых негодяев. Правду говорили древние: человеческая душа - потемки. А логр как раз рассеивает эту спасительную для многих мглу. И относительно комфортности миров заключенных то же не соглашусь, - для них существует только одна программа предварительного формирования ландшафта: голая, безжизненная пустыня. Все остальное должен создать сам обитатель логра. Вот только они (Николай имел в виду заключенных виртуальной тюрьмы) на мой взгляд, не способны сотворить ничего путного. А вот их память обязательно вырвется наружу и сформирует в пространстве логра сущий ад. Это и является наказанием, понимаешь?

– Вечным наказанием?

– Вот этого я не знаю. - Честно признал Николай, отпирая двери отсека.

***

Зольц стоял, осматривая окрестности.

Вокруг него от горизонта до горизонта раскинулся унылый однообразный пейзаж, - ровная, потрескавшаяся, словно опаленная неистовым огнем равнина, без намека на растительность или жизнь.

Генрих был удручен.

В первый момент пришло настоящее отчаяние, но он сумел подавить его. Единственное, что имелось у Генриха в избытке - это сила воли. Вот только чего она стоит среди унылого ландшафта личной виртуальной вселенной, а точнее сказать виртуального узилища?

Я приговорен остаться тут навсегда?

Вопрос, заданный самому себе, не нашел ответа. Он не знал, что случиться дальше. Ни одно волевое усилие не поможет ему изменить окружающую данность, потому что он не знал, как это сделать. Он понятия не имел о сути предметов, явлений, зная лишь их формы, но не содержание.

Что толку от дерева, если оно не будет живым?

Хотя, в его положении сойдет и эрзац.

Солнца не было. Ровный свет шел отовсюду, не ощущалось ни тепла, ни холода, лишь росли недоумение и злоба.

Они действительно меня посадили. Посадили НАВЕЧНО.

О том, что случилось с его физическим телом, Генрих предпочитал не думать. В условиях космической станции его, скорее всего, кремировали.

Он вдруг поймал себя на том, что медленно идет по выжженному пространству, мрачно размышляя о сложившейся ситуации, а вслед ему непонятная сила закручивала небольшие (высотой примерно сантиметров семьдесят), устойчивые завихрения из праха, который щедро покрывал бесплодную равнину.

Зольц остановился, и маленькие смерчи послушно прекратили движение, лишь продолжали незаметно подрастать, удлинившись уже до метровой высоты.

Прах и пепел.

Генрих был зол, подавлен и думал о том, что его тело кремировали в мусоросжигателе станции, оставив только прах, который при замкнутом цикле жизнеобеспечения, наверное, будет использован в гидропонических отсеках.

От таких размышлений озноб продрал по коже.

Смерчи уже превышали его рост.

Если ли взаимосвязь между смерчами и его мыслью? Наверняка есть. Не нужно строить иллюзий, тешить себя несбыточными надеждами - все окружающее, так или иначе, отражение его мыслей, его настроения…

Влиять на реальность виртуального мира он мог. Об адаптивности логра и его чуткой реакции на каждую мысль было известно всем. Даже Зольц, до поры не интересовавшийся новыми открытиями, знал это.

Надо с чего-то начинать. - Подумалось ему. - Если уж попал сюда, буду приспосабливаться. - Генрих покосился на гудящие, набравшие силу смерчи, почти вплотную подступившие к нему и постарался успокоиться, думать о чем-то нейтральном: быть может, он сумеет отыскать воспоминания, не связанные с дурными поступками, вечным моральным напряжением и гложущим страхом возмездия, который все годы жестоко подавлялся все той же силой воли.

Детство.

Я должен вспомнить детство. - Генрих интуитивно ухватился за эту мысль, не заметив, как неподалеку от него в дрожащем знойном мареве возник контур человеческой фигуры.

***

– Обычно личность заключенного в логре не выдерживает более трех, ну максимум четырех суток, если говорить мерками реального времени. - Продолжил свои пояснения Николай, когда они с Андреем возвращались на пост.

– Почему?

– Они разрушаются. Ты же понимаешь, мы имеем тут дело с определенной категорией людей, в жизни которых не было ничего светлого. Их губят собственные воспоминания, которые материализуются в сущий кошмар, от которого попросту нет спасения. Несколько дней личного ада и личность не выдерживает, матрица сознания теряет стабильность и начинает необратимо разрушаться.

– Не понимаю, почему это происходит? - Андрей повернулся в кресле, посмотрев на напарника. - Матрицы личности не должны разрушаться. Да, соглашусь, фантом заключенного будет окружен далеко не приятными для него личностями, которых исторгнет его память, но почему итогом становиться разрушение виртуальной нейросетевой структуры? Насколько я знаю логр будет поддерживать целостность матрицы сознания до последнего.

– Все так. Но личности, тем не менее, распадаются. Логры пустеют. И мы пока не знаем, с чем именно связан катастрофический процесс разрушения.

– Может суицид?

– Вот это исключено. Убить себя фантом не может. Этого не позволит само пространство логра.

3.

Генрих заметил приближающуюся фигуру, когда молодой человек подошел так близко, что он с внутренним содроганием смог разглядеть и узнать его.

Вот и подумал о детстве… - промелькнула тоскливая мысль.

– Привет, Генрих. - раздался сиплый булькающий голос, похожий на предсмертный хрип. - Решил вспомнить друзей детства?

Зольц поднял взгляд, твердо, без страха посмотрев на Володю.

А что ты хотел?- Внезапно раздался другой, внутренний голос. - Нужно было думать о конкретном времени, когда вы еще играли в песочнице.

Бред. Неужели все воспоминания станут являться к нему вот так?

С Володей они дружили с пяти лет. Потом, уже повзрослев, продолжали вместе проводить время, совершая вояжи по кипящему жизнью ночному городу.

Все это скверно кончилось - однажды проиграв в казино, изрядно набравшись "дури", они повздорили, и Генрих, в припадке немотивированной ярости застрелил товарища.

От ярких воспоминаний, которые, как ему казалось, давным-давно канули в лету, похоронены в недрах памяти, его внезапно бросило в жар.

Какого фрайга он приперся? И что мне теперь делать? - Зольц понимал, что перед ним плод собственного воображения, но что следует предпринять, чтобы неугодное воспоминание исчезло, растаяло, растворилось, как и положено иллюзии?

Вот этого он не знал.

Однако смотреть на Володю, а уж тем более разговаривать с ним, вспоминая прошлое, Зольц не собирался.

Как? Как мне убрать его отсюда?

Володя все пытался что-то сказать, но шариковая пуля, застрявшая в горле, не давала, а Генрих, не обращая внимания на его хрипы, смотрел в сторону, пытаясь понять: они, что все будут являться ко мне, стоит только мысленно потревожить потаенные уголки памяти?

Генрих еще не понимал, что потаенных уголков более не существовало, он лишь смутно догадывался об этом. Не освоившись в окружающем пространстве, почти не понимая его сути, он менее всего желал в данный момент вспоминать прошлое, а уж тем более - смотреть на

давно позабытый грех - одно из первых черных пятен, что когда-то легло на совесть только начинавшего самостоятельную жизнь молодого аристократа…

Проклятье… Как мне избавиться от него?

Генрих раздумывал недолго. Оказавшись в логре, он ничуть не изменился, оставаясь самим собой, таким же жестоким, циничным, избалованным жизнью, привыкшим к вседозволенности. Но вот только одна беда: вмиг исчезло все его окружение, сама жизнь превратилась в миф, воспоминание, и теперь уже было явно недостаточно отдать лаконичный приказ, чтобы неугодная личность исчезла с его глаз раз и навсегда.

Генриху было тоскливо и одновременно его начала душить злоба. Приступ ярости оказался столь силен, что на время подавил растерянность, прояснил сознание, указав верный (по крайней мере, так думалось в тот момент) способ устранения внезапно возникшей проблемы.

Я уничтожу его. Убью.

Генрих ухватился за промелькнувшую мысль. Пачкать руки не хотелось, но видимо придется. Чем убить этого недоумка, вылезшего из недр памяти? Он и так уже мертв… Явный нонсенс не смущал Генриха, он действовал по инерции, поддавшись сокрушительному напору чувств.

Оружие работать не будет, - он вспомнил урок, преподанный ему кибрайкером, мимолетом пожалел, что не внял совету имплантировать себе определенное количество технических знаний, и разум, оттолкнувшись от воспоминания, вдруг заработал в нужном направлении.

Я должен думать о чем-то простом, эффективном, не обладающем сложной конструкцией.

Кусок металла. Заточка, нож, все что угодно, лишь бы оно могло сойти в качестве оружия.

Ладонь внезапно ощутила вес и холод.

По телу пробежали мурашки. Ну, прямо как в ту пору, когда, еще будучи юнцом, он решал свои первые уличные проблемы, завоевывая место во главе банды подростков.

Резко развернувшись, Генрих точным, беспощадным движением вонзил заточенный металлический прут в глаз незваного гостя.

В следующий миг мир потонул во вспышке нестерпимой боли.

Генриху показалось, что его голова сейчас лопнет, как переспелый плод, сорвавшийся с ветки и ударившийся об землю.

Реальность заволокло багряным туманом. Он практически потерял сознание, исчезли чувства, мысли, желания, осталась только нестерпимая,

раскалывающая голову боль, да кровавый багрянец, застилающий зрение.

***

Он понятия не имел, сколько прошло времени, прежде чем боль понемногу начала отступать, а кровавая пелена потускнела, позволяя увидеть все тот же унылый ландшафт.

…Подле него, присев на корточки, терпеливо ждал чего-то мужчина лет сорока.

Час от часу не легче.

Этого типа Генрих не знал.

Мысли хоть и ворочались с трудом, но все же он подумал о явном противоречии: логры могли граничить друг с другом в мире физическом, но сами виртуальные Вселенные строго изолированы друг от друга. Генрих помнил об этом из подробных инструкций, полученных вместе с приобретенным на черном рынке кристаллом.

Я его не помню…

Значит рядом находиться не фантомный образ из его прошлого? Кто же тогда?

– Ты… кто?.. - Едва слышно просипел Зольц, привлекая внимание незнакомца.

– Ага, очнулся. - Не скрывая радости, произнес тот, протянув руку, чтобы помочь Генриху встать с земли.

– Сам… - Зольц был упрям и зол. Он действительно привстал на четвереньки, а затем, пошатнувшись, с болезным стоном выпрямился в полный рост.

– Как знаешь. - Пожал плечами незнакомец, опуская руку. - Силен, однако. Только не делай так больше, а то загнешься.

– А что я сделал?!..

– Наверное, убил одно из своих воспоминаний, верно?

– Убил?! - Генрих не смог скрыть своего изумления. - А такое возможно?

– Возможно. - Усмехнулся незнакомец. - Но не рекомендовано для частого применения на практике. Иначе от тебя скоро ничего не останется.

– Ты не представился. - Выслушав его, буркнул Зольц, и тут же добавил: - Какого фрайга? Я тебя не помню. Откуда ты взялся?

– Пришел. А зовут меня Рич.

– Ричард, что ли?

– Можно и так, если тебе нравятся длинные имена.

Генрих дождался, пока в глазах перестало двоиться, и внимательно взглянул на незваного гостя.

– Сам уйдешь или тебе помочь? - Насуплено спросил он.

– Не торопись. - Ричард осмотрелся вокруг. - Можно я хоть булыжник какой-нибудь сотворю, а то присесть некуда.

– Это мой мир!.. - Зольца душила необъяснимая злость.

– Ну, так будь добр, пошевели своими извилинами. Или ты не знаешь, как выглядит кресло?

В другое время Генрих счел бы подобное обращение хамством, за которое следует примерно наказать наглеца, но Ричард держался спокойно, независимо, от него веяло иронией, а раз так, значит, он многое знал.

Нужно его использовать.

Генрих усилием воли подавил растущий гнев, дав здравому смыслу возобладать над ситуацией.

В результате у него получилось два весьма приличных кресла, точно таких же, как в его собственном кабинете.

– Присаживайся. - Зольц подал пример, с облегчением сев в кресло. - Только не рассказывай мне о том, что просто "проходил мимо". Я знаю, что фантомные Вселенные изолированы друг от друга, и преодолеть барьер практически невозможно.

– Нет ничего невозможного. - Вполне серьезно ответил Рич. На этот раз в его словах не прозвучало и тени иронии.

– Выкладывай, зачем явился?

– Дружеский визит?

– Не катит.

– Ладно. Попробуем по-другому. - Похоже, Ричарда нисколько не пугал угрожающий тон Генриха. - Ты я вижу не рад моему визиту, - как ни в чем не бывало, констатировал он. - Но подожди с резкими движениями. Во-первых, я не твое воспоминание и уничтожить меня будет сложновато. Во-вторых, мы могли бы совершить взаимовыгодную сделку и разойтись с миром. Ну, а в-третьих, я готов совершенно бесплатно поделиться с тобой некоторой информацией.

– Слушаю.

– Как мне к тебе обращаться?

– Зови меня Генрих.

– Договорились. - Рич несколько повеселел. - Значит, слушай меня внимательно. Не думаю, что в обозримом будущем кто-то станет давать тебе бесплатные советы.

– Ближе к делу.

– Ты понимаешь, что находишься в логре?

– Допустим.

– В таком случае, запомни: все, что окружает тебя, не сейчас конкретно, а вообще, в глобальном смысле, - является отражением твоих мыслей. Но чтобы думать, воспринимать окружающий мир, нужен опыт восприятия. Ребенок долго учиться различать предметы, цвета, образы, распознавать речь, потом, став старше, человек получает и накапливает жизненный опыт. Наша способность мыслить, осознавать самого себя, так или иначе имеет в своей основе память, которая в свою очередь состоит из отдельных воспоминаний. Улавливаешь?

– Не совсем.

– Если ты будешь уничтожать собственные воспоминания, то вскоре исчезнешь. Твоя личность рассыплется как карточный домик.

Генрих поморщился.

– Поэтому мне стало так больно, когда я замочил этого урода?

– Не знаю, о ком ты говоришь, но последствия подобных действий всегда болезненны. Если ты прожил скверную жизнь, то неприятных для тебя призраков тут вскоре будет в избытке. Но не думай, что, перебив их всех, ты обретешь комфорт.

Генрих промолчал в ответ, упрямо поджав губы.

– Логр чутко реагирует на каждое мысленное действие. Если ты уничтожаешь часть своей памяти, он просто сотрет данный участок из матрицы твоего сознания. Теперь подумай. Если ты станешь злоупотреблять подобными методами, что от тебя останется?

– Это твой бесплатный совет?

– Да. И поверь, он весьма ценен.

– Хорошо. Теперь к делу. Зачем ты явился в мой мир?

– Хочу немного поторговаться с тобой.

– Не понимаю.

– Сейчас объясню. У каждого из нас была своя жизнь. Мы стремились к определенным целям, не пытаясь объять необъятное, какие-то впечатления проскальзывали мимо, от иных мы сознательно отказывались в угоду жизненным целям и позициям. Здесь в логре это внезапно становиться основной проблемой. Ты не можешь оперировать тем, чего не знаешь, не в состоянии испытать чувства, которого не испытывал при жизни, никогда не почувствуешь запаха цветка, которого не нюхал будучи живым. Я понятно объясняю?

– Вполне.

– Тогда давай перейдем к делу. Ты часто занимался сексом?

Генрих, не ожидавший такого вопроса, на миг стушевался.

– Ладно, объясню, чтобы ты не подумал чего-то дурного. Я прожил свою жизнь достаточно замкнуто в узком кругу профессиональных интересов. С одной стороны это хорошо - оказавшись в логре, я смог многое сделать, благодаря прижизненным навыкам и знаниям. Но вот беда, - чувственная сторона бытия обходила меня стороной. Было некогда, все, что не касалось дела, казалось мне слишком ничтожным.

– И кем же ты был?

– Кибрайкером.

– А, ну теперь понятно. - Усмехнулся Генрих. - Вся жизнь в виртуалке.

– Да. Фактически так.

– Но я-то тут причем?

– Повторяю вопрос: ты часто занимался сексом?

На этот раз Зольц ответил без смущения:

– Часто. Даже очень.

– Это хорошо.

– Похоже, я понимаю, к чему ты клонишь. - Усмехнулся Генрих. - У тебя были проблемы со слабым полом?

– Можно сказать и так. - Кивнул Рич. - Если ты отдашь мне пару своих воспоминаний, я смогу обрести новые чувства.

– Это исключительный случай?

– Нет. Те, кто сумел избежать саморазрушения, часто обмениваются воспоминаниями.

– Хорошо, такого сорта впечатлений у меня действительно навалом. Но как осуществить обмен? Ты же сам говорил, чтобы я берег свою память.

– Отдать и уничтожить не одно и тоже. Боли не будет. И особого ущерба твоя личность не понесет, ты ведь сам сказал, что подобных впечатлений в памяти полно.

– Ладно. Что я получу взамен?

– Способность выйти за пределы своего логра.

– Даже так? - Приподнял бровь Генрих.

– Чтобы попасть сюда мне пришлось сломать защиту и проделать брешь в межмирье. Я могу поступить по-разному. Заделать проход, оставить открытым или настроить на твою личность, чтобы он пропускал только тебя.

– Лучше последнее. Своих глюков хватает, не хотелось бы толпы незваных гостей из других миров.

– Без проблем. Проход будет виден только для тебя. Значит, мы

договорились?

– Не совсем. Мне нужно оружие. Исправное, функциональное оружие, лучше всего "Гюрза" или "Стайгер", на худой конец подойдет и "Гервет", но предпочтительнее первые две модели.

– В таком случае тебе придется отдать два воспоминания. В полном объеме.

– Не вопрос. Но я не знаю, как это делается.

– Просто подумай о них, вспомни, и мысленно пожелай, чтобы они оказались у меня.

– Может добавить парочку своих призраков? - Усмехнулся Генрих, к которому вдруг вернулось хорошее настроение. Там, где существует торговля, он не пропадет. Тем более, когда в его руках снова окажется оружие - действенный, надежный способ решения многих проблем.

– Нет, призраков я не возьму. Дурные воспоминания оставь себе. Только помни, о чем я тебя предупредил.

– Ну, хорошо. Сейчас попробую. Не хочешь показать мне "Гюрзу"?

– Нет. - Покачал головой Ричард. - Я уже выполнил половину обещанного, - проход в межмирье существует. Теперь твоя очередь. Как только я получу первое воспоминание, создам оружие. Без боекомплекта. После второго воспоминания - обоймы и элементы питания.

– Ладно. Договорились.

4.

Генрих был зол, измучен и подавлен.

Он не мог определить, сколько прошло времени после визита кибрайкера.

Здесь не существовало даже смены дня и ночи, чтобы хоть как-то вести отсчет данности. Он не мог спать, не испытывал голода, лишь память постоянно подбрасывала неприятные сюрпризы, материализуя такие воспоминания, о которых он (как казалось в реальной жизни), позабыл давно и прочно.

Постепенно менялось его сознание. Приобретение импульсного пистолета на поверку оказалось не лучшей идеей. Генрих не мог в одночасье избавиться от укоренившихся привычек, но сцены из прожитой жизни становились все более невыносимыми, и он стал часто, бездумно пускать оружие в ход, уничтожая являвшиеся ему фантомы.

Память стала прерывистой, в ней теперь зияли пустоты, которые он не мог заполнить.

Вся скверна его жизни возвращалась к Генриху, но теперь он не мог использовать привычные приемы: ему не откупиться, не сбежать, нет возможности общаться даже с теми, кто окружал его в последние годы. В логре все потеряло смысл. Его железная воля оказалась не у дел, все, что он умел, являлось бесполезным, но рассудок еще не погиб, и, очнувшись от очередного приступа невыносимой боли (таким неприятным эффектом сопровождалось уничтожение участков памяти), он вновь думал о прожитой жизни, пытаясь отыскать в ней что-то, способное принести в пространство логра хотя бы иллюзию нормального существования.

А что для меня нормально?

Генрих понимал - он зашел в моральный тупик и бьется в нем, как рыба, выброшенная на берег.

Нормальным для него было бы организовать в виртуальном пространстве собственного логра преступное сообщество, наладив криминальный бизнес.

Нонсенс… Здесь ничего не стоят деньги, никому не нужна "дурь" с Окраины, да и что он может реально создать? Принять тех фантомов, что являются к нему из глубин открывшейся памяти? Их что ли организовывать? Ну да, весело будет. Одних убил собственноручно, еще по молодости, иных устранили по его приказу, когда Генрих стал "боссом".

Веселая подберется компания. А главное - очень "приятная".

От мрачных мыслей пространство вокруг постоянно менялось, видимо элементарные знания, полученные еще в школе, находили выход, формируя такие природные явления, как облака, ветер, мелкий дождь…

Проклятье, даже укрыться негде.

Не в силах изменить собственного настроения Генрих стал думать, как ему укрыться от нудного, моросящего, непрекращающегося дождя, который к тому же сопровождался периодически налетающими порывами холодного ветра.

Хренова адаптивная реальность…

Дом.

Мне нужен дом.

Зольц понятия не имел как строятся дома, создать сложную конструкцию он, конечно, не мог, но решил хотя бы попытаться.

***

Спустя неопределенный промежуток времени, он сидел на том же самом месте, в очередной раз приходя в себя после вспышки неистовой злобы: явившийся из глубин памяти призрак, издеваясь над ним легко, одним толчком развалил стену из тяжеленных каменных блоков, которую Генрих возводил, прикладывая неимоверные усилия.

Естественно он не выдержал и застрелил призрака.

Еще один фрагмент воспоминаний безвозвратно был стерт из памяти.

Нет, прав был кибрайкер. Так я уничтожу сам себя…

Но где выход?

Он не может построить себе дом, не в состоянии вырастить дерево, может только убивать…

Беда Генриха заключалась в том, что привычные способы устранения проблем не подходили для окружающего пространства.

Уничтожая призраков, он убивал самого себя.

***

Генриха не хватило надолго. Его стало слишком мало - именно в такой формулировке.

Сознание уже не являлось целостным, он едва мог осознавать самого

себя.

Зольц вплотную подошел в своих действиях к той черте, за которой начнется распад личности.

Все, чем он жил, потеряло смысл, обернулось против него. Генрих уже не контролировал собственных действий, утратив подавляющую часть жизненного опыта, он превратился в кого-то другого, упрямого, озлобленного помнящего лишь свое имя…

В таком состоянии, едва отдавая отчет в собственных действиях, он, наконец, оставил груду прямоугольных каменных блоков и медленно побрел в том направлении, куда ушел кибрайкер.

Последней надеждой, стремлением, стало желание покинуть свой логр.

Он не понимал, зачем и куда идет. Просто верил, что пепельно-серая равнина не бесконечна, а Ричард действительно оставил открытым проход в межмирье.

…

Длинная, нескончаемая череда впечатляющих образов…

Взгляду Генриха постепенно открывался хаос, который мы называем повседневной жизнью, с той лишь разницей, что в мире физическом определенные действия характеризовались термином "рутина", а тут принимали значение основополагающих поступков, определяющих статус той или иной личности в сложившемся конгломерате смежных миров.

Только незначительная часть увиденных реальностей сохраняла статичность, вторая, более многочисленная и неприятно поразившая воображение категория фантомных миров, попросту пустовала, - хозяева либо покинули их, либо матрицы личностей самоуничтожились в процессе трудной, а порой и попросту невозможной адаптации к абсолютной памяти и ограниченным возможностям общения.

Третий тип виртуальных реальностей, наиболее многочисленный, отражал полнейшее пренебрежение к выведенным логрианами законам виртуального существования: Генрих видел различные вариации проходов, начиная от рваных, безобразных дыр, сквозь которые сочилась серая хмарь межмирья, до оформленных архитектурными изысками тоннелей соединяющих между собой пограничные логры.

Там, где по определению должен существовать статиз, на самом деле кипела "жизнь".

По понятным причинам люди, попав в виртуальное заключение, испытывали два неодолимых стремления: во-первых, освободиться от неугодной части собственной памяти, и, во-вторых, воплотить в

виртуальном пространстве те потаенные мечты, нереализованные амбиции, что не удалось осуществить в мире реальном.

Однако, помимо личных желаний людей, в пространстве логров продолжали функционировать законы, на основе которых формировалось любое виртуальное пространство. Не смотря на уникальную адаптивность логров, их безропотную "отзывчивость" человек, попавший в логр, мог испытывать лишь те эмоции, которые он уже вкусил при жизни. Что касается предметов или устройств, то тут дело обстояло еще более плачевно: как уже не раз убеждался Генрих, логр безропотно формировал облик, но для того, чтобы наполнить форму истинным, функциональным содержанием, системе требовались четкие инструкции, описывающие не только внешний вид, но и устройство желаемой модели.

В отличие от логриан, которые довольствовались малым и могли веками размышлять над правильным воплощением какой-либо модели, представители рода человеческого хотели получить многое и обладать предметом вожделения немедленно.

Среди многочисленных заключенных виртуальной тюрьмы лишь немногие обладали достаточной полнотой знаний, чтобы по-настоящему творить, у подавляющей же части личностей оставался небогатый выбор: либо сжаться, загнать свои амбиции, свою память в узкие рамки волевых запретов, либо биться в тенетах собственных мыслей, позывов, желаний, не имея возможности нормально реализовать их.

Благодаря усилиям кибрайкеров большинство обитателей фантомных вселенных, как и Зольц, получили свободу перемещения.

Так возникли реальности, напоминающие отстойники памяти, - люди приходили в логры, лишившиеся своих хозяев, и оставляли в них часть собственного "я" - ту самую неугодную, потаенную память, которую держали под запретом при жизни.

Негативные воспоминания десятков, если не сотен или тысяч заключенных, собранные в одном месте, формировали жуткие пространства, которые из-за адаптивности логров постепенно оживали, образуя нечто кошмарное…

Генрих ощущал себя как зверь, загнанный в ловушку.

Кругом его окружал сплошной нескончаемый и нужно сказать - опасный кошмар, сотканный из различных, причудливо смешавшихся образов.

Редкие фантомы настоящих личностей, обитающих в этой преисподней, оказались еще опаснее, чем стихийный синтез "брошенных" воспоминаний: они походили на совершенно одичавших, потерявших

рассудок ментальных вампиров, от которых Зольцу приходилось либо прятаться, либо отбиваться, пуская в ход оружие, чтобы избежать плачевной участи, когда остатки его памяти стали бы достоянием обитателей жутких миров.

Казалось, что этому кошмару не будет конца.

Время окончательно потеряло смысл физической величины, превратившись в вечность.

***

Генрих менялся. Его личность таяла, все меньше оставалось воспоминаний, медленное, но неумолимое самоуничтожение казалось процессом неизбежным.

Он уже давно не стоил иллюзий, хотя подобная формулировка в фантомном пространстве звучала абсурдно.

Зольц прошел больше, чем несколько кругов ада. Наверное, телесные муки показались бы ему благом по сравнению с мучениями, что постоянно испытывал рассудок и сжавшаяся в маленький комочек, истерзанная душа.

При жизни Генрих никогда не придавал значения собственной душе. Он полагал, что ее не существует. Научившись при помощи волевых усилий загонять любые поползновения совести в глубины подсознания, Зольц думал, что решает проблему, но на самом деле лишь накапливал ее.

Теперь он раскаивался в этом, но… слишком поздно.

Он и здесь, в пространстве соединенных друг с другом логров, натворил немало непоправимого, применяя стереотипы прижизненного поведения к уникальной реальности…

…Генрих стоял на берегу мутного ручья, который протекал через мрачную чащобу уродливого леса. Мертвые деревья с корявыми, лишенными листьев, черными ветвями, обступали его со всех сторон.

Он знал, что этот лес, равно как и обитающие в нем призраки, не более чем гротескная форма чьих-то тяжких воспоминаний.

Между деревьев, которые, будто насмехаясь над привычными для рассудка закономерностями, жили, изгибали ветви, тянулись к нему, то и дело мелькали смутные эфемерные образы - брошенные тут призраки, фрагменты памяти о грязных поступках и их жертвах.

Наверное, тех личностей, что создали данный "отстойник памяти", более не существовало. Они распались. Генрих и сам находился на грани распада, ощущение собственной нестабильности постоянно

присутствовало в нем. Теперь он искренне сожалел, что уничтожал собственную память, фрагмент за фрагментом удаляя казавшиеся неудобными образы.

Прав был тот кибрайкер. Тысячу раз прав. Но как возможно исправить содеянное?

Нет выхода. Он заблудился, давно потеряв дорогу к своему логру. Да и что толку искать его? Наверняка покинутое пространство превращено в такой же "отстойник".

Мне бы вернуть все… Начать с начала…

Нет, в одну воду нельзя войти дважды. Даже тут.

Мысли Генриха прервало появление призрака. Сначала он увидел лишь смутный контур человеческой фигуры в порванном скафандре биологической защиты, затем, по мере приближения, зыбкий образ начал принимать более детальные черты.

Лицо незнакомца за разбитым забралом было поражено какой-то формой экзобиологической дряни, чем-то вроде клочковатого мха, который сросся с кожей несчастного. Его побелевшие губы постоянно шевелились, с мукой произнося одни и те же фразы:

– Он меня бросил… Я молил его… А он оставил меня умирать…

Призрак брошенного здесь воспоминания вышел на берег ручья, споткнулся об выступающий из праха узловатый корень "мертвого" дерева, и вдруг умолк, заметив Генриха.

По взгляду фантома стало ясно, - он бродит тут так давно, что логр начал воспринимать фрагмент чьего-то воспоминания, как нечто отдельное, обособленное.

Поступок, который совершил Зольц, еще недавно показался бы ему невероятным.

Он подошел к распластавшемуся на берегу мутного ручья призраку и склонился над ним.

– Ты кто?

Призрак с трудом приподнял голову.

– Помоги… Умоляю… Я биолог… Экзобиолог из разведывательной экспедиции.

– Как тебя зовут?

– Я не помню. Болезнь. Она поразила меня после случайного падения. Я порвал скафандр и разбил забрало шлема. Он был рядом, но сбежал… Я молил его…

– Кто сбежал?

– Не помню…

Генрих собрал остатки своей воли и разума.

Этот призрак говорил. Явление не такое уж феноменальное, почти все фантомы что-нибудь твердят, но этот хотя бы попытался ответить на вопрос.

Почему? Как воспоминание может осознавать себя?

– Твой напарник… Он тоже был экзобиологом? - После долгого размышления спросил Зольц.

– Да… Я плохо помню. Но он бросил меня умирать.

Генрих вдруг понял, почему призрак обрел некоторую самостоятельность и устойчивость, демонстрируя качества личности.

Тот человек, который бросил умирать своего напарника, обладал теми же знаниями что и несчастный, скончавшийся от экзобиологической заразы на неведомой Зольцу планете. Это означало только одно, оказавшись тут и вспомнив свое преступление, тот сбежавший экзобиолог невольно вспоминал о профессиональных качествах коллеги, о знаниях которые мог бы применить, спасая его. Он мучился угрызениями совести и, не выдержав их, вторично бросил тут, среди мрачного леса, не человека, конечно, но полноценное воспоминание о нем, не понимая того, что вместе с мучившим его призраком отдает "отстойнику" частицу самого себя, вместе с теми знаниями, которые являлись общими для двух коллег по биологической экспедиции.

Зачем мне чужие грехи, когда своих хватает?

Генрих лишь мимолетом подумал об этом. Его личность стояла на грани распада. Он ненавидел самого себя. Что толку стать одним из призраков этой мрачной чащобы? Возможно, существует другой путь? Не уничтожать воспоминания, а принимать их, такими, каковы они есть, хранить в себе, чтобы больше не повторять ошибок прошлого?

Если бы Зольцу сказали, что он станет мыслить таким образом, Генрих бы лишь фыркнул в ответ. Подобного не могло случиться с ним в той, потерянной и проклятой навсегда жизни.

Теперь измученный, опустошенный, едва помнящий собственное имя, он мог.

Не только мог, но и хотел. Назло всему. Назло этому чудовищному лесу. Не только ради того чтобы выжить, но и заново воссоздать себя, другим, не таким как прежде.

Риск?

Конечно, он был. Но Генрих дошел до той стадии отчаяния, когда любой выход из тупика казался ему благом.

Не убивать воспоминания, а собирать их, осмысливать, примирятся с

призраками, принимая частицы знаний и крупицы душ.

Ты перестанешь быть самим собой.

Не беда.

Генрих склонился к несчастному и тихо произнес:

– Я помогу тебе. Дай мне руку.

В следующий миг, когда их пальцы встретились фантом внезапно задрожал, сливаясь с фигурой Генриха.

Не бойся. Мы выйдем их этого леса… - мысленно произнес он. - Или лучше попробуем изгнать его отсюда.

5.

Черный лес отступал, редел, открывая взору небольшую поросшую травой поляну, посреди которой возвышалась примитивная постройка, срубленная из толстых, узловатых стволов деревьев.

Издали она походила на древний монастырь, затерявшийся в мрачной чащобе.

Мутный ручей протекал по поляне, постепенно очищаясь от пепла и праха.

…Призрак, вышедший из леса, с некоторым удивлением посмотрел на незаурядное для этих мест явление, а затем, собрав остатки воли, пошатываясь, ступил на мягкий травянистый ковер поляны, направляясь к высокому частоколу, окружавшему бревенчатые постройки.

Он погибал, и знал это.

Наверное поляна и возвышающиеся в ее центре постройки пригрезились ему.

Внезапно скрипнули, открываясь, массивные ворота и навстречу вышел человек

Призрак уже не мог идти. Он начал медленно таять, воздух вокруг него струился и дрожал.

От катастрофического, но неизбежного распада его спасло появление незнакомца, облаченного в грубые одежды.

Глубокий капюшон скрывал лицо странного обитателя гиблых чащоб, но, проделав половину пути до истощенного призрака, он откинул его.

– Генрих?

Человек остановился, внимательно посмотрел на призрака и тоже узнал его.

– Ричард?

– Да это я… помоги… Я сейчас просто исчезну…

– Я помогу. - Кивнул Генрих, черты которого изменились, стали более суровыми, и в то же время спокойными, уверенными, словно он сумел обрести некую внутреннюю гармонию. - енрих черты которого изменились стали более суровыми и в то же время о. он откинул его. венчатые постройки. тивная постройка иНо прежде ответь, ты готов принять свое прошлое, примириться с ним?

– Я готов на все, Генрих… На меня напали в лесу. Большая часть моей личности теперь принадлежит другим…

– Но что-то ведь сохранилось, верно?

– Помоги…

Генрих кивнул.

– Я уже помог тебе. Пойдем в обитель поговорим там.

– Ты издеваешься? Я на грани распада. Даже двинуться не могу.

– А ты попробуй. - Губы Генриха тронула легкая усмешка.

Ричард посмотрел на свои руки и вдруг понял, что истекавшее от них марево исчезло.

Он обрел стабильность!

Но каким образом?

Немой вопрос, читавшийся в его взгляде, нашел неожиданный ответ.

– Многие сейчас поддерживают тебя, Ричард. Не удивляйся. Всего не объяснишь в двух словах. - Генрих протянул ему руку, помог встать. - Пойдем в обитель. - Повторил он. - Но помни - ты дал слово примириться с собой.

Ричард потрясенно смотрел вокруг и действительно чувствовал, что его личность кто-то поддерживает, не давая ей разлететься на отдельные фрагменты.

– Я…

– Не нужно, Рич. Просто пойдем. У тебя будет время подумать.

– Куда ты меня зовешь? - С долей подозрительности спросил кибрайкер.

– К жизни. К настоящей, полноценной жизни.

– Генрих, настоящей жизни не существует в этом проклятом пространстве.

– Ошибаешься. Она есть.

Ричард растерянно осмотрелся.

Да он видел отступивший на несколько сот метров черный лес, ощущал прикосновения шелковистой травы к своей коже, с удивлением заметил, что мутный ручей на другой стороне поляны становиться почти прозрачным.

Сколько же знаний и упорства нужно иметь чтобы…

Генрих как будто прочитал его мысли.

– У всех, кто живет в обители, общие знания. Мы делимся ими друг с другом. Но ты видишь, - Генрих указал на мрачную стену отступившего леса, - еще очень многое предстоит сделать. Ты нужен нам, а мы нужны тебе. Пойдем Ричард. Ты уже прошел чистилище, я ощущаю это. Осталось сделать последний шаг.

Июнь 2006 года. Город Псков.